

О ПОЭТАХ И ПОЭЗИИ ON POETS AND POETRY

DOI 10.15826/izv2.2022.24.4.071
УДК 821.161.1-14 Мандельштам + 82'06 +
+ 81'373.612.2 + 81'373.49

В. П. Москвин
*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет*
Волгоград, Россия

СТИХОТВОРЕНИЕ О. МАНДЕЛЬШТАМА «МАСТЕРИЦА ВИНОВАТЫХ ВЗОРОВ...»: КОММЕНТАРИИ К ТЕМНЫМ МЕСТАМ

Цель статьи — истолкование не вполне ясного по своему содержанию, а потому дискуссионного стихотворения О. Мандельштама. Для достижения поставленной цели применены конситуативный и контекстуальный анализ, а также приемы экспериментального метода, в частности трансформационного анализа; для подтверждения языковой реальности выявленных метафорических образов использован прием аналогии, определивший выбор источников иллюстративного материала. Как показало исследование, в данном стихотворении переплетены прямая и косвенная, прежде всего метафорическая номинация, существенно осложненная и затемненная тактикой «накладывания образа на образ» (А. Н. Толстой). С этой точки зрения стихотворение следует охарактеризовать как семантический палимпсест, сформированный рядом образных наслоений: 1) речь т о н е т в молчании (стихи 3–4): появляется метафорический мотив в о д ы; 2) как развитие данного мотива становится объяснимо представление женщин (а значит, и героини) в образе р ы б, героя — в образе л о в ц а (стихи 5–8); 3) рыбы оказываются монашками (стихи 9–12), с импликацией смирения, воздержания и внутреннего холода («н а п р а с е н влажный блеск зрачков»); 4) представление героя в образе янычара, героини — в образе принадлежащей ему турчанки (стихи 13–20); дальнейшее развитие мотива воды: у п о е н и е кривой ('грешной') в о д о й страсти за героиню, т. е. 'против ее воли' (стихи 17–20); 5) метафорическое перекодирование темы, реализованной в стихах 17–20: представление героини в образе спасительницы гибнущих от греховной страсти (стихи 21–22). За этими неоднозначными образами угадывается эпизод биографии автора — неразделенная любовь к поэтессе М. С. Петровых, т. е. тема,

деликатность которой потребовала применения эвфемистических зашифровок. Многослойная образность, осложненная неполнотой контекста, делает тематическую канву текста практически неуловимой.

Ключевые слова: поэтика; неясность речи; темные места; семантический перенос; метафора; эвфемия

Цитирование: Москвин В. П. Стихотворение О. Мандельштама «Мастерица виноватых взоров...»: комментарии к темным местам // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 4. С. 173–187. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.4.071>

Поступила в редакцию: 15.03.2022

Принята к печати: 21.10.2022

Vasily P. Moskvin

*Volgograd State Socio-Pedagogical University
Volgograd, Russia*

**O. MANDELSTAM'S POEM
SKILLFUL MISTRESS OF GUILTY GLANCES...:
COMMENTS ON OBSCURE PLACES**

This article interprets O. Mandelstam's poem, which is not quite clear in its content, and therefore controversial. To achieve this purpose, the author employs consituational and contextual analysis, as well as techniques of the experimental method, more particularly, transformational analysis. To confirm the linguistic reality of the revealed metaphorical images, the author uses the analogy technique, which determines the choice of sources of illustrative examples. The study demonstrates that in this poem, direct and indirect, primarily metaphorical nominations are intertwined, being significantly complicated and obscured by the tactics of "superimposing an image on an image" (A. N. Tolstoy). From this point of view, the poem should be characterised as a semantic palimpsest formed by a number of figurative layers: 1) speech *s i n k s* into silence (verses 3–4): a metaphorical motif of *w a t e r* appears; 2) as a development of this motif, the presentation of women (and hence the heroine) as *f i s h* and the hero as a *f i s h e r m a n* becomes understandable (verses 5–8); 3) fish turn out to be nuns (verses 9–12), with the implication of humility, abstinence, and inner cold ("the moist shine of the pupils is *i n v a i n*"); 4) the presentation of the hero as a janissary, and the heroine as a Turkish woman belonging to him (verses 13–20); further development of the motif of water: *d r i n k i n g* the crooked ('sinful') *w a t e r* of passion for the heroine, i. e. 'against her will' (verses 17–20); 5) metaphorical recoding of the theme realised in verses 17–20: representation of the heroine in the image of the savior of those dying from sinful passion (verses 21–22). Behind these ambiguous images, the author of the article recognises an episode of the poet's biography, i. e. unrequited love for poetess M. S. Petrovykh, a topic whose delicacy required the use of euphemistic codes. The multilayered imagery complicated by the incompleteness of the context makes the thematic outline of the text almost elusive.

К е y w o r d s: poetics; obscurity of speech; loci obscuri; semantic transfer; metaphor; euphemisms

F o r c i t a t i o n: Moskvina, V. P. (2022). Stikhotvorenie O. Mandel'shtama "Masteritsa vinovatykh vzorov...": kommentarii k temnym mestam [O. Mandelstam's Poem *Skillful Mistress of Guilty Glances...*: Comments on Obscure Places]. *Izvestiya Uralskogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 24(4), 173–187. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.4.071>

Submitted: 15.03.2022

Accepted: 21.10.2022

Данное стихотворение О. Мандельштама (ОМ), адресованное поэтессе М. С. Петровых (1908–1979), следует охарактеризовать как образец эвфемизации эротической темы, представленной здесь «лишь намеками» [Лотман, с. 133]:

Мастерица виноватых взоров,	1
Маленьких держательница плеч,	2
Усмирен мужской опасный нор,	3
Не звучит утопленница-речь.	4
Ходят рыбы, рдея плавниками,	5
Раздувая жабры: на, возьми!	6
Их, бесшумно окающих ртами,	7
Полухлебом плоти накорми.	8
Мы не рыбы красно-золотые,	9
Наш обычай сестринский таков:	10
В теплом теле ребрышки худые	11
И напрасный влажный блеск зрачков.	12
Маком бровки мечен путь опасный.	13
Что же мне, как янычару, люб	14
Этот крошечный, летуче-красный,	15
Этот жалкий полумесяц губ?	16
Не сердчай, турчанка дорогая:	17
Я с тобой в глухой мешок зашьюсь,	18
Твои речи темные глотая,	19
За тебя кривой воды напьюсь.	20
Ты, Мария — гибнущим подмога.	21
Надо смерть предупредить — уснуть.	22
Я стою у твердого порога.	23
Уходи, уйди, еще побудь.	24

[Мандельштам, 2001, с. 206–207]

Тактика вуалирования, с одной стороны, отвечает поэтике новой эпохи, когда «с “чувствительностью” и изливаниями» покончено, а любовные стихи

становятся «сдержанны, почти холодноваты» [Мочульский, с. 206], с другой — затрудняет понимание этих «загадочных стихов» [Лекманов, с. 254], о соотношении которых с миром реальности «ничего определенного сказать нельзя» [Левин, с. 35]. Текст осложнен мотивационно, прежде всего метафорически, при этом использован характерный для акмеизма прием «накладывания образа на образ»; в результате «[ф]антазия читателя испытывает то же, что фотографическая пластинка, на которой снято два изображения» [Толстой, с. 150]. Назовем построенное таким способом произведение семантическим палимпсестом.

Для рассмотрения текста ОМ наиболее эффективными оказались:

1. Конситуативный анализ. Еще Иоанн Златоуст указал на то, что при пояснении темных мест предметом изучения должны стать факты (ἱστορία¹): «Что неясно <в тексте>, поведай мне! Изучи и проясни факты, чрез них о неясностях задайся вопросами»² [Chrysostomos, p. 611].

2. Контекстуальный анализ, традиционно применяемый как ключ (*clavis*) к элокутивно затемненной речи [см., например: Flacius, p. 17, 23]. Современная версия такого анализа предполагает обращение: а) к типологии элокутивных тактик, в частности переносов; б) к приемам экспериментальной методики, прежде всего к трансформационному анализу.

Результаты конситуативного тестирования должны быть верифицированы результатами лингвистического анализа и наоборот, в противном случае окажутся искажены связи между художественным миром и отраженной в нем действительностью. Рассмотрим стихотворение с этой точки зрения.

1. Метафорический мотив воды

Тот факт, что образная ткань текста связана с мотивом воды, не вызывает сомнений у исследователей, ср.: а) в основе образа *утопленница-речь* лежит фразема *набрать в рот воды* [Успенский, с. 232]; б) герои стихотворения будто бы погружены «в беспредельный аквариум» [Черашняя, с. 232]. Заметим: речь в 4-м стихе олицетворена, т. е. представлена в образе женщины-утопленницы; в этой связи возникает вопрос, может ли женщина утонуть во рту или в аквариуме. С учетом указанной неувязки контекстуально более уместным стимулом данного мотива представляется выражение *глубокое* <как вода, озеро, etc.> *молчание*, ср.: *Озеро любви*, **озеро молчания** [Абрамова]; *Оживает океан молчания* [Платонов, с. 50]; *Но вновь и вновь // Река Молчания // течет, соединяя нас* [Кухно, с. 445]; в молчании можно утонуть, как в водоеме: *Гулкий звон разрастается, стонет, // Заунывным призывом звучит, // И в застывшем безмолвии тонет* [Бальмонт, с. 103]. Звенья развернутой водной метафоры связывают 1-ю строфу со 2-й: в молчании, как в озере, т о н е т речь, в его же

¹ То есть фоновая фактологическая информация, в частности конситуация, ситуативный контекст.

² Ср.: «Ποῖον ἀσαφές, εἰπέ μοι; οὐχὶ ἱστορίαι εἰσὶ; τὰ γὰρ σαφῆ οἶδας, ἵνα περὶ τῶν ἀσαφῶν ἐρωτήσης».

глубинах *ходят рыбы*³. По мнению М. Л. Гаспарова, в 1-й строфе «подавлено желание» [Гаспаров, с. 660], на самом деле «подавлена» (тонет) речь, желание же разгорается (см. далее).

Рассмотрим 1-ю строфу с конситуативной точки зрения. Эта строфа имплицитно диалог, в результате которого *усмирен опасный* для героини *мужской нор* и речь «утонула» в молчании, что отвечает характеру отношений ОМ и М. С. Петровых: неразделенной любви поэта и, возможно, имевшей место отповеди⁴. Сестра Марии Петровых вспоминает: «А ей он был просто неприятен физически. Он был неопрятен, жена, по-видимому, не придавала этому значения. <...> На его фоне возникал Лев Гумилев (сын Н. С. Гумилева. — В. М.) — восемнадцатилетний юноша, очень сильно картавивший и тоже влюбленный в Марусю⁵. А у нее в это время распадался брак с П. А. Грандицким, и оба “ухажера” — и старый (Мандельштаму было всего 42 года, но выглядел он старцем), и малый были ей в тягость» [Петровых, с. 150].

Известны два варианта 7-го стиха: а) *Их, бесшумно **окающих** ртами* [Мандельштам, 1967, с. 208; 2001, с. 206]; б) *Их, бесшумно **охающих** ртами* [Мандельштам, 1990, с. 209; 2009а, с. 194]. Л. М. Видгоф не видит различий между ними: «Фонетической картины это существенно не меняет» [Видгоф, 2015, с. 175–176], Б. А. Успенский использует их как равноправные: «окающие или охающие рты в стихотворении Мандельштама — открытые рты жаждущих пищи» [Успенский, с. 241]. Вариант *окающих*, принятый Ю. И. Левиным [Левин, с. 35], М. Лотманом [Лотман, с. 129 и 140] и С. В. Поляковой [Полякова, с. 36], с примечанием: «Адресат стихотворения, М. С. Петровых, читает *охающих*...» [Там же, с. 195], более уместен, поскольку: а) глагол *ока́ть* известен в значении ‘беззвучно открывать рот в виде буквы О’: *Ле́ц бесшумно **окал** ртом, пуская розовые пузыри* [Ернев]; *За огромными витринами среди десятка одиноких нарядов утомленно парила стайка воздушных сильфид. И в **неслышном оканье** накрашенных **ртов**, в том, как хищно бросались они на каждого случайного посетителя, было что-то удивительно аквариумное, рыбье* [Степнова, с. 27]; *с возрастом чуешь чаще // рыбы молчат иначе // он повторяет омуль // **окают** воду **рты*** [Цветков]; б) рыба имплицитно немолчалива, поэтому вариант *бесшумно **окающих*** близок к оксюмору, т. е. вступает в конфликт с принципом правдоподобия.

2. Метафорический мотив ловитвы

Стихи 1–3 автологичны, 4–22 — иносказательны, в силу чего сопоставление этих частей текста может поставить вопрос о принципе единого основания.

³ Ср.: «Подводная» тема подготавливает появление в <строфе> П “рыб” [Левин, с. 37].

⁴ Возможна и такая реконструкция: «...любовные слова, обращенные к мастерице и неугодные ей, пошли по ее воле ко дну, не реализовались» [Полякова, с. 37].

⁵ См. «псевдоевангельское» [Видгоф, 2012, с. 461] стихотворение ОМ «Сонет» (1933–1934): *Мне вспоминался старинный апокриф: Маршо лев преследовал в пустыне По той святой, по той простой причине, Что был Иосиф долготерпелив* [Мандельштам, 2009б, с. 335]. — В. М.

С этой позиции трудно принять мнения, согласно которым: 1) отрицание *мы не рыбы* «может быть понято и как “мы, мужчины” (такое обобщение подчеркивается “общим” утверждением <в строфе> I <стихе> 3 — *усмирен мужской опасный норв*» [Левин, с. 38]; 2) «Во 2-м четверостишии <...> представлено “пыхтение” жутковатых, алчущих женской плоти рыб...», т. е. «мужчин-рыб» [Видгоф, 2015, с. 184]; 3) «под рыбами имеются в виду <...> мужчины, что, конечно, прямо связано с выражением *мужской опасный норв*», а «[с]лово *плоть* означает в этом контексте женскую плоть» [Успенский, с. 233, 240]. Изучение образной ткани текста дает иную, противоположную в гендерном плане картину. Известна притча, проводящая аналогию между ловитвою *рыб* и ловитвою *человеков* (Лук. 5:5–11); в образе ловли представляются также отношения между мужчиной и женщиной, объектом ловли в пространстве данного образа выступает женщина: *Ловец безустальный в любовном лове Раскидывать умел он хитро сети — Но лов мгновенный жажду лишь питал И утоление легкое — алчбу, И вновь ловитве предан был Жуан* [Дурылин]; *Все, что есть на “л” — луч, любовь ли, // лилия ли, лань лесная, — // все подобно сладостной ловле, ...О, лови меня, // оттесняя к той ложбине...* [Гандельсман, с. 20]. С этой точки зрения:

1. В образе рыб, т. е. объекта ловли, во 2-й строфе перед взором лирического героя предстают не мужчины, а женщины. Думается, прав Лотман, утверждая: «То, что “снаружи” видится **рыбами** с рдеющими плавниками и раздувающимися жабрами, “изнутри” ощущает себя **сестрами** с теплым телом» [Лотман, с. 140]. 2-я и 3-я строфа представляют собирательный образ «женщин вообще» [Левин, с. 38], отсюда форма мн. ч.: *Ходят **рыбы**, рдея плавниками* и *Мы не рыбы краснозолотые*. По трактовке М. Л. Гаспарова, содержание 2-й строфы может быть выражено фразой «я молчу, как рыба» [Гаспаров, с. 660], но в тексте ОМ: а) речь идет не о рыбе, а о стае рыб; б) рыбам уподоблены женщины, а не молчание героя.

2. Лирический герой во 2-й и 3-й строфах выступает ловцом.

3. Реплику женщин-рыб *на, возьми!* необходимо трактовать как: а) адресованную герою-ловцу; б) имплицитную недоступность: ‘Попробуй-ка взять (поймать) нас’. В этой связи гендерно противоречивой кажется следующая трактовка: «Фразу *На, возьми!* <...> произносят **рыбы**: это **мужчины**, которые предлагают себя героине (предлагают свою любовь?)» [Успенский, с. 237]. Едва ли *ребрышки худые* и *обычай сестринский* могут быть приписаны мужчинам.

Известен пунктуационный вариант 2-й строфы: *Ходят рыбы, рдея плавниками, // Раздувая жабры. На, возьми // Их — бесшумно окаяющих ртами, — // Полухлебом плоти **накорми*** [Мандельштам, 1967, с. 208]. Этот вариант содержит: а) нарушающий напевный лиризм текста резкий стиховой перенос между стихами 6 и 7; б) двуглагольную конструкцию *возьми их накорми* (ср.: *сизжу читаю* или *сизжу, читаю*), разговорный характер которой не вписывается в лирический контекст стихотворения. Двуглагольная конструкция (*возьми, их накорми*) появляется и в следующем варианте: *Ходят рыбы, рдея плавниками, // Раздувая жабры. На, возьми, // Их, бесшумно окаяющих ртами, // Полухлебом плоти **накорми!*** [Мандельштам, 2009а, с. 194]. В этой связи стилистически

более приемлем вариант *Ходят рыбы, рдея плавниками, // Раздувая жабры: на, возьми!* [Мандельштам, 1990, с. 209; 2001, с. 206].

По мнению Левина, стих *Полухлебом плоти накорми* «сразу переводит весь эпизод в символично-метафорический план», но «немотивированность появления рыб заставляет поверить, скорее, в их реальность», т. е. «реальное существование рыб так и остается под вопросом» [Левин, с. 36]. Поскольку появление рыб мотивировано метафорическими темами воды и ловли, рыбы по определению принадлежат метафорическому плану текста.

Успенский утверждает: «То, что речь не идет о рыбах как таковых, видно уже на языковом уровне. В самом деле, глагол *ходить* в принципе не сочетается со словом *рыбы* во множ. числе: в функции подлежащего при этом глаголе, как правило, выступает слово *рыба* в ед. числе — слово, имеющее собирательное значение и фигурирующее как *singulare tantum*. Так, говорят *рыба ходит косяком* (а не **рыбы ходят косяком*), *рыба идет* (а не **рыбы идут*)» [Успенский, с. 233], ср.: «Почему рыбы *ходят*? Так не говорят о рыбах» [Там же, с. 230]. Речь действительно идет не о рыбах, но с опорой на сочетаемость словоформы *рыбы* этот факт доказан быть не может, поскольку: а) глагол *ходить* успешно сочетается со словом *рыбы* в форме мн. ч.: *...и те рыбы, одни из всех проклятые, ходят только во глубине...* [Послание апостола Варнавы, с. 101]; ***Рыбы ходят по прудамь*** [Державин, с. 366]; ***Какие-то неведомые рыбы ходят по дну*** [Краснов, с. 233]; ***Мелкие рыбы ходят всегда беспорядочной стаей*** [Шулейкин, с. 332]; ***Погляди, какие рыбы ходят в водяном стекле*** [Галина, с. 3]; б) выражение *рыбы идут* также не нарушает нормы сочетаемости: ***Обычно же рыбы идут на нерест при достижении длины 25–27 см*** [Решетников, Сидоров, с. 299]; ***Рыбы идут на свет, потому что знают — там, где свет, собирается много планктонных рачков...*** [Школьник, с. 44].

4. В стихе 8 *Полухлебом плоти накорми* мерцает обращенный к мужчине (герою-ловцу), а потому крайне деликатный смысл 'рыб / женщин накорми полухлебом / плотью <своей>'. Фиксируемую исследователями «ассоциацию с причастием» [Видгоф, 2012, с. 457; Успенский, с. 234] и «рыбью» тематику следует принимать лишь как прикрытие данного смысла, характер которого особых сомнений не вызывает: «Полухлеб плоти — тоже, несомненно, эротическая метафора» [Полякова, с. 38]; метонимически (*per consequentiam*), а потому более откровенно обозначен этот же смысл (результат мнимой связи Л. Гумилева и М. Петровых) в следующем стихотворении, героиня которого «оказывается исцарапанной и едва ли не обесчещенной» [Успенский, с. 253]: *Что с рыжими смешались волосками // Янтарные, а кожа — мягче льна — // Кривыми оцарапана когтями* [Мандельштам, 2009б, с. 335]. Слово *полухлеб* считается авторским неологизмом ОМ: «Слова *полухлеб* не существует в русском языке, это неологизм, созданный Мандельштамом» [Успенский, с. 237]. Данный тезис вступает в конфликт с языковой реальностью, ср.: *Школьники сидели в училище без дела, уходили домой когда хотели, а спустя несколько времени большая часть совсем отстала от школы, другие же приходили только за полухлебами, которые*

раздавал ученикам ключник [Прилежаев, с. 344]. Словоформа *полухлебом* может быть соотнесена с двумя лексемами: 1) *полхлеба* ‘половина буханки’, ср.: *тритцать хлебов с полухлѣбом* [Переписная оброчная книга..., с. 833]; в загадке: *Шли муж с женой, брат с сестрой, да кум с кумой, нашли полтора хлеба, раздѣлили по полухлѣбу (их всего трое)* [Даль, ч. 3, с. 231]; 2) *полухлеб* ‘хлебное изделие’. Ср.: «Полхлѣба, м. 1. Половина хлеба. Единогo полхлѣба довольно. <...> 2. Небольшое хлебное изделие, меньше известнаго целого хлеба. В среду... и в пяток... по уставу и трапеза поставляется по вечерни: полухлѣбы мягкие, да взварь медвян с перцем...» [Словарь русского языка XI–XVII, с. 279]. Если полагать, что рус. *полу-хлеб* ‘хлебное изделие’ и греч. ἡμίαρτον обозначают один и тот же предмет⁶, то его форма должна быть следующей: «Полухлеб — булка в форме полусферы, полушария»⁷ [Schweighaeuser, p. 266].

Думается, что в тексте ОМ слово *полухлеб* применено в смысле ‘преломленный пополам хлеб’, со следующим интертекстуальным подтекстом: *Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова? Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба. Посмотрите на Израиля по плоти: те, которые едят жертвы, не участники ли жертвенника?* [Первое послание..., 10:16–18].

Следующие трактовки не отвечают традиции описания лексемы *полухлеб*, а потому не вписываются в образную ткань текста: а) «Общий смысл четверостишия приблизительно таков: страсть заявляет о себе (*ходят рыбы*), но насытить ее невозможно *полухлебом*, **неполноценным**, по внушению лирической героини — средством» [Полякова, с. 40]; б) «...*полухлебом плоти* означает ‘**как бы** хлебом плоти’» [Успенский, с. 240]. Думается также, что стихи 7 и 8 следует воспринимать скорее как внутренний голос лирического героя, чем «внушение лирической героини» (в тексте ей слово не дано).

5. В 3-й строфе женщины поясняют ловцу, что они не рыбы (объект ловли), а люди: *Мы не рыбы красно-золотые, // Наш обычай сестринский таков: // В теплом теле ребрышки худые // И напрасный влажный блеск зрачков*. В толковании 9-го стиха «мы не поддаемся страсти (мы не рыбы)» [Полякова, с. 42] видится паралогизм, поскольку отрицание *Мы не рыбы* имплицитно подразумевает эмоциональность, а не отсутствие страстей (ср.: *холоден, как рыба*). Трактовка содержания 2-й и 3-й строф как «*я* молчу, как рыба, **но мы** нежнее, чем рыбы» [Гаспаров, с. 660] нарушает принципы: а) единого основания («*я*, но *мы*»); б) правдоподобия, поскольку приписывает рыбе нежность.

Видгоф понимает эпитет *сестринский* как произведенный «...от выражения “наша сестра”, которое употреблялось <...> в значении “мы, женщины” ...» [Видгоф, 2015, с. 183]. Но это прилагательное: а) не применяется в значении ‘женский’; б) стилистически нейтрально, а потому не может быть мотивировано просторечным выражением *наша сестра*, ср.: — **Чистые псы эти мужики**

⁶ Ср.: «ἡμίαρτον, τό, и ἡμίαρτιον, τό, полухлѣбъ» [Коссович, с. 840].

⁷ Ср.: «ἡμίαρτιον· εἶδος ἄρτου ἡμικυκλῶδες».

в другой раз, — отозвалась **Савишна**, подняв голову. — Только и заботы, чтобы **глотку налить вином**, а наша **сестра колотится** хуже всякой лошади двуужильной [Мамин-Сибиряк, с. 132]. Думается, что: 1) это прилагательное: а) использовано в тексте ОМ в значении ‘монашеский’, ср.: *сестринские правила*, *нести сестринский крест*, *сестринская обитель* (община, келья, трапезная), *сестринское послушание* (богослужение, одеяние), *сестринский монастырь* (храм, хор, плат); б) мотивировано именем сущ. *сестра* ‘монахиня’; 2) в стихах 11–12 дается образ монашки, постом и молитвой, смирением плоти и воздержанием готовящей себя к жизни вечной: **В теплом теле ребрышки худые // И напрасный влажный блеск зрачков**⁸. Эпитет *напрасный* в этом контексте имплицитно подразумевает внутренни́й («рыбий») холод.

3. Вопрос о содержании 18-й строки

В 4-й и 5-й строках ловец женщин-рыб предстает в изофункциональном образе янычара-повелителя женщины-турчанки. Левин мыслит стих 18 *Я с тобой в глухой мешок зашьюсь* как изображающий «тему гибели», «мотив утопления» [Левин, с. 37, 39], ср.: «“Глухой мешок” — это, по преданию, форма казни неверных жен в Турции. При этом в мешок зашивали и бросали в море не только изменницу, но и ее соблазнителя» [Герштейн, с. 437], отсюда: а) следующая трактовка 4-й и 5-й строф: «(4) я люблю с восточной страстью, (5) но готов по-восточному поплатиться за эту неправую страсть»; б) допущение аллюзии к стихотворению Н. С. Гумилева «Константинополь» [Гаспаров, с. 660]. В мешок зашивали и соблазнителя, «потому — **за** тебя кривой воды напьюсь» [Полякова, с. 43], с этой позиции форма *за тебя* трактуется как свертка: ‘за то, что соблазнил тебя’. Согласно следующей трактовке, ОМ «готов разделить с “мастерицей виноватых взоров” вину и гаремную казнь: “Я с тобой в глухой мешок зашьюсь” (глубочайший эротизм стихотворения в этом)» [Микушевич, с. 53]. Думается, что ‘казнь в мешке’ и ‘мешок как символ эротического сближения’ — смыслы взаимоисключающие. Здесь видится скорее эротизм, чем казнь, поскольку: 1) казнь предполагает форму *зашьют*, а не *зашьюсь*; 2) глагол *зашииться* известен в значении ‘спрятаться’: *Вот ведь баран тонконогий, зашился где-то. Тут самые дела, а он смылся* [Медынский, с. 24]; *Зашился в угол*, навалил на себя кучу одеял и подушек, лежу [Ясенски, с. 292]; *Влез он на этот дуб, обернулся иголкой, зашился под кору и сидит там* [Синяя свита..., с. 165]. В этот комбинаторный ряд вписывается выражение *зашииться в мешок*, структурно соотносимое с фраземой *забиться в глухой угол* и применяемое в значении ‘отдалиться, уединиться, спрятаться’: *Мы зашились, как в мешке. По-за межами нашей коммуны ничего не видим* [Бядуля, с. 301].

⁸ Факт, значимый для восприятия образа М. Петровых: дядя по матери — священник Д. Смирнов, дядя по отцу — митрополит Ленинградский Иосиф, оба репрессированы [Корнилова, с. 84–85].

4. Метафорический мотив упоения

В стихах 19–20 понятие *кривой воды* осмыслено как «кривая», неправдивая речь» [Левин, с. 41]. Между тем эпитет *кривой* применяется не только в значении ‘неправдивый’⁹, но и в значении ‘грешный’: *кривая дорожка, кривой путь*, ср.: «Существует и более дальний смысл, дошедший из прошлых времен: *грех* — “изгиб, путь кривой”...» [Колесов, с. 37].

5-я строфа развивает мотив *упоения страсти*, в частности *упоения кривой* (‘грешной’) *водой* первородного греха, ср.: «В образе “кривой воды” прочитывается ясная мысль — это *обман, измена жене*» [Герштейн, с. 437]. Все происходящее в этой строфе предварено императивом: *Не сердчай, турчанка дорогая*; это означает, что действия янычара совершаются против воли турчанки¹⁰: янычар глотает темные ‘бессвязные’ речи, вырывающиеся из уст турчанки, та не хочет пить кривую воду. Этот контекст: а) допускает трактовку: *За тебя кривой воды напьюсь* ‘и за себя, и за тебя’); б) отвечает конситуативной пресуппозиции неразделенной любви: «В 1933–34 гг. Осип Эмильевич был бурно, коротко и *безответно* влюблен в М. С. Петровых» [Ахматова, с. 128]; в) ставит под сомнение интертекстуальную аллюзию к стихотворению А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» [Гаспаров, с. 660]: если у Пушкина *жены робкие* Гирея [н] *и думать, ни желать не сме[ют]* [Пушкин, с. 144], то турчанка ОМ оказывает сопротивление.

Стихи 21–22 представляют собой семиотическую энигму, закрытую для уверенного истолкования. С одной стороны, очевидна неполнота контекста, воспринимаемая как «сокращение, когда в речи что-то отсутствует» (μείωσις, *cum sermone deest aliquid*) [Quintilianus, p. 59]; с другой, если читать с опорой на предтекст, то слова о смерти / гибели (от любовной страсти) и спасительнице от такой гибели, о сне и даже бодрствовании окрашиваются иносказательным смыслом:

Я *гибну* от любви к тебе, блуждаю, как слепой,
Душа с отчаяньем дружна, а веко — со слезой.

<...>

Но сколько я могу терпеть? От горя и огня,
От одиночества *спаси* безумного меня!

Кто *утешенье принесет* горящему в огне?
Кто будет *бодрствовать со мной*, когда весь мир — во сне?

<...>

Всегда нова моя печаль, всегда нова *любовь*:
О, *умереть* бы, чтоб со мной исчезла эта новь!

[Маджнун, с. 153]

⁹ «Кривой суд или *кривосуд*, кривда, неправда. *Кривая душа*, не правдивая» [Даль, ч. 2, с. 800].

¹⁰ Герой просит «не “серчать” на него за то, что ему не удалось смирить себя» [Полякова, с. 43].

Комментарии стихов 21–22 представляют собой: а) осмысление *ad litteram*, что не соответствует металогическому характеру текста: «2-й стих последней строфы — “надо смерть предупредить, уснуть”, не вполне ясен: скорее всего *уснуть* — эвфемизм и обозначает предвосхищение смерти естественной смертью насильственной (“я с тобой в глухой мешок зашьюсь”))» [Полякова, с. 46], сюда же отнесем и такую трактовку 6-й строфы: «я на пороге смерти и держусь мыслью о тебе» [Гаспаров, с. 660]; б) буквализацию, осложненную искажением конситуативных фактов: «Стих о сне — предупреждении смерти, уходе от грозящей насильственной смерти, видимо, отражает мысли о самоубийстве как свободном выборе ухода из жизни — и, очевидно, связан с известным монологом Гамлета, в котором герой Шекспира размышляет о возможности самоубийства: “Быть иль не быть... Умереть, уснуть”. (Арестованный в мае 1934 г. Мандельштам попытку самоубийства совершил — вскрыл вены)» [Видгоф, 2012, с. 462]. Но стихотворение было написано 13–14 февраля 1934 г., т. е. до ареста, в период же с конца 1933 г. по 14 февраля 1934 г. жизнь ОМ ничто не омрачало: в ноябре 1933 г. поэт получил квартиру, в декабре в нее переехал, зимой 1933/1934 г. пишет шуточные стихи «Уста запеклись и разверзлись чресла...» и «Большевикам мил элеватор...», в начале 1934 г. — шуточные стихи «Мне вспомнился старинный апокриф...» и «Марья Сергеевна, мне ужасно хочется...», 31 января стал адресатом шуточного стихотворения В. Меркурьевой и А. Кочеткова «Дориану Евгениевичу Архивову послание в Кунгахеллу»:

Поэт же Мандель укрепил свой штамм
в писательской уютной новостройке,
в аду быв с Дантом, очертел и сам,
его словарь: «отстаньте» и «задам»,
и вообще он *шпынь* и не по летам *бойкий*.

[Летопись жизни и творчества..., с. 389–392]

В свете этих фактов: а) номинации *зашьюсь в мешок, кривой воды напьюсь, гибнущим подмога, смерть и уснуть* едва ли «отражают мысли о самоубийстве»; б) приемлемо такое пояснение: лирический герой «...сам стремится навстречу своей собственной *гибели* (= падению, гибели. — В. М.); он *не в силах противиться эротическому желанию*: “Уходи. Уйди. Еще побудь”» [Лекманов, с. 254–255]. С этой точки зрения: а) допустимо прочтение: “Ты, Мария, — гибнущим <от любовной страсти> подмога, // Надо смерть <от любви> предупредить”, в данном контексте инфинитив *уснуть* (стих 22) может получить метонимическую трактовку: *Я тогда не в силах был // Удержать порыв страстей — // И в ее объятиях // Уснул очарованный, // Упившись любовью* [Кольцов, с. 47]; *И в объятиях любви беззаботно уснем, // Чтоб проснуться для смертных объятий!* [Надсон, с. 96]; б) следует, видимо, принять мысль о том, что «Мастерица...» представляет собой «...редкий для Мандельштама образец эмоциональной открытости...» [Полякова, с. 36].

Выводы

Как показало исследование, «Мастерица...» представляет собой семиотический палимпсест, сформированный рядом образных наслоений.

Слой 1: а) прямая дескрипция героини (стихи 1–2); б) усмирение опасного мужского норова (с импликацией отповеди), в результате речь *тонет* (мотив воды) в молчании (стихи 3–4).

Слой 2: представление женщин (а значит, и героини) в образе рыб, героя — в образе ловца, с импликацией желанья *взять* ‘поймать’ (стихи 5–8).

Слой 3: рыбы оказываются монашками (стихи 9–12); импликация отповеди.

Слой 4: а) представление героя в образе янычара, героини — в образе принадлежащей ему турчанки (стихи 13–20); б) упоение кривой (‘грешной’) водой страсти *за* героиню ‘против ее воли’ (стихи 17–20).

Слой 5 — образное перекодирование темы, реализованной в стихах 17–20: представление героини как спасительницы гибнущих от греховной страсти (стихи 21–22).

Многослойная образность, осложненная неполнотой контекста, делает тематическую канву текста практически неуловимой. Данная номинативная тактика служит эвфемизации ряда табуированных смыслов.

Источники

Абрамова Т. Е. Озерный пейзаж // Самиздат. 28.10.2017. URL: http://samlib.ru/a/abramowa_t/20171028.shtml (дата обращения: 15.02.2022).

Ахматова А. Requiem. М. : Моск. полигр. ин-т, 1989.

Бальмонт К. Д. День за днем ускользает несмело... // Бальмонт К. Д. Стихотворения / сост. В. Орлов. Л. : Советский писатель, 1969. С. 103.

Бядуля З. Новое о нашей коммуне // Бядуля З. Избранное / пер. с белор. Б. Яковлева. М. : Худож. лит., 1957. С. 299–306.

Галина М. С. Погляди, какие рыбы ходят в водяном стекле // Новый мир. 2009. № 3. С. 3.

Гандельсман В. Песнь Песней // Гандельсман В. Аркадия. СПб. : Пушкинский фонд, 2014. С. 20.

Даль В. И. Толковый словарь живаго великорусскаго языка : в 4 ч. М. : Тип. Лазарѣвскаго института восточных языков, 1865.

Державин Г. Р. Дашѣ приношеніе // Сочиненія Державина : в 9 т. / под ред. Я. К. Грота. СПб. : В тип. Имп. акад. наук, 1866. Т. 3, ч. 3. С. 364–368.

Дурьлин С. Н. Дон-Жуан // Дурьлин С. Н. От «Дон-Жуана» до «Муркина вестника “Мямяю”» / сост. А. Б. Галкин. М. : РГ-Пресс, 2018. URL: https://books.google.ru/books?id=IKc_DwAAQBAJ&pg=PT83&dq#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 15.02.2022).

Ернев О. Плата за перевоз. URL: <https://books.google.ru/books?id=bQFFDwAAQBAJ&pg=PТ111&dq#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 15.02.2022).

Кольцов А. В. Повесть моей любви // Кольцов А. В. Сочинения. Л. : Худож. лит., 1984. С. 46–49.

Коссович И. Греческо-русский словарь : в 2 ч. М. : В унив. тип., 1848. Ч. 1.

Краснов П. Н. Казаки в Абиссинии. М. : Директ-Медиа, 2014.

Кухно А. Река Молчания // Белой акации гроздь душистые... / сост. Н. А. Мяготина, Н. В. Гаджиева. СПб. : Диамант, 1996. С. 445–446.

Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама / [сост. А. Г. Мец при участии С. В. Василенко, Л. М. Видгофа, Д. И. Зубарева, Е. И. Лубянской, П. Мицера]. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Интернет-издание, 2019.

Маджнун. Как в это утро от меня ты, Лейла, далека! / пер. С. Липкина // Арабская поэзия средних веков / сост. И. Фильштинский. М. : Худож. лит., 1975. С. 153.

Мамин-Сибиряк Д. Н. В камнях // Мамин-Сибиряк Д. Н. Рассказы и очерки. М. : Директ-Медиа, 2014. С. 114–150.

Мандельштам О. Мастерница виноватых взоров // Мандельштам О. Собр. соч. : в 3 т. / ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппов. Вашингтон : Международное литературное содружество, 1967. Т. 1. С. 208–209.

Мандельштам О. Мастерница виноватых взоров // Мандельштам О. Соч. : в 2 т. / сост. П. М. Нерлер. М. : Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 209–210.

Мандельштам О. Мастерница виноватых взоров // Мандельштам О. Стихотворения. Проза / сост. М. Л. Гаспаров. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2001. С. 206–207.

Мандельштам О. Мастерница виноватых взоров // Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. / сост. А. Г. Мец. М. : Прогресс-Плеяда, 2009а. Т. 1. С. 194.

Мандельштам О. Сонет // Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. / сост. А. Г. Мец. М. : Прогресс-Плеяда, 2009б. Т. 1. С. 335.

Медвinsky Г. Самстрой. М. : Молодая гвардия, 1931.

Надсон С. Я. На мгновение // Надсон С. Я. Избранное / сост. Л. Пустильник. М. : Терра, 1994. С. 95–96.

Первое послание к Коринфянам св. апостола Павла // Библия. М. : АСТ, 2018. С. 170–181.

Переписная оброчная книга Деревской пятины. СПб. : В тип. В. Безобразова, 1859.

Платонов А. Тихий свет сиянья угасания... // Платонов А. Соч. : в 5 т. / сост. В. А. Чалмаев. М. : Информпечать, 1998. Т. 1. С. 50–51.

Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. / под ред. Д. Д. Благого и др. М. : Гос. изд-во худож. лит-ры, 1960. Т. 3. С. 143–146.

Послание апостола Варнавы // Писания мужей апостольских / сост. А. Г. Дунаев. М. : Изд. совет Русской православной церкви, 2008. С. 87–225.

Прилежайев Е. Новгородскія епархіальныя школы в Петровскую эпоху // Христианское чтение. 1877. № 3–4. С. 331–370.

Решетников Ю. П., Сидоров Г. С. Лососеобразные рыбы водоемов европейского Северо-Востока. М. : Т-во науч. изданий, 2014.

Синяя свита наизнанку сшита // Белорусские народные сказки / пер. с белор. Е. Благиной. М. : Детгиз, 1957. С. 163–167.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / Г. А. Богатова, О. В. Малкова, А. С. Орешников и др. ; ред. Г. А. Богатова. М. : Наука, 1990. Вып. 16.

Степнова М. Л. Бедная Антуанетточка // Степнова М. Л. Где-то под Гроссето. М. : АСТ, 2021. С. 24–30.

Цветков С. Оканье // Цветков С. Нельзя моргать. М. : РуДа, 2019. URL: https://books.google.ru/books?id=ss_kDwAAQBAJ&pg=PT72&dq#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 15.02.2022).

Школьник Ю. К. Подводный мир. М. : Эксмо, 2014.

Шулейкин В. В. Очерки по физике моря. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1949.

Ясенски Б. Человек меняет кожу. М. : Худож. лит., 1957.

Исследования

Видгоф Л. М. «Но люблю мою курву Москву». О. Мандельштам: поэт и город. М. : Астрель, 2012.

Видгоф Л. М. О последней строке и скрытом имени в стихотворении Мандельштама «Мастерица виноватых взоров...» // Видгоф Л. М. Статьи о Мандельштаме. М. : Новый хронограф, 2015. С. 172–188.

- Гаспаров М. Л. Комментарии // Мандельштам О. Стихотворения. Проза / сост. М. Л. Гаспаров. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2001. С. 604–710.
- Герштейн Э. Г. Мемуары. СПб. : Инапресс, 1998.
- Колесов В. В. Древняя Русь. Наследие в слове : в 5 кн. СПб. : Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2001. Кн. 2.
- Корнилова Н. Б. Знаменитые земляки. Рыбинск : Медиарост, 2013.
- Левин Ю. И. О. Мандельштам // Левин Ю. И. Избр. труды. М. : Языки русской культуры, 1998. С. 9–155.
- Лекманов О. А. Осип Мандельштам. М. : Молодая гвардия, 2009.
- Лотман М. «Мастерица виноватых взоров»: к семантической карте поэтического текста // Золян С., Лотман М. Исследования в области семантической поэтики акмеизма. Таллинн : Изд-во Таллиннского ун-та, 2012. С. 129–141.
- Микушевич В. Б. Осип Мандельштам и мировая культура // Мандельштамовская энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов. М. : Полит. энциклопедия, 2017. Т. 1. С. 10–62.
- Мочульский К. В. Кризис воображения. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2017.
- Петровых Е. С. Мои воспоминания // Моя родина — Норский посад / ред. А. М. Рутман, Л. Е. Новожилова. Ярославль : Изд-во А. Рутмана, 2005. С. 7–218.
- Полякова С. В. Осип Мандельштам. Ann Arbor : Ardis, 1992.
- Толстой А. Н. О драматургии // А. Н. Толстой о литературе и искусстве. М. : Сов. писатель, 1984. С. 144–162.
- Успенский Б. А. К поэтике позднего Мандельштама («Мастерица виноватых взоров»: анализ текста) // Slověne. 2018. Vol. 7, № 2. С. 227–257. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2018.7.2.9>
- Черашняя Д. Поэтика О. Мандельштама. Ижевск : Ин-т компьютерных исследований, 2004.
- Chrysostomos J. In Epistolam Secundam ad Thessalonicenses Commentarius // Chrysostomos J. Opera Omnia : 13 t. Parisiis : Apud Gaume Fratres, 1838. T. 11. P. 590–631.
- Flacius M. Clavis Scripturae, seu de Sermone sacrarum Literarum : 2 vols. Basileae : Per Paulum Quecum, 1567. Vol. 2.
- Quintilianus M. F. Institutionis Oratoriae Libri Duodecim. Lipsiae : Sumptibus et typis V. G. Teubneri, 1854.
- Schweighaeuser I. Animadversiones in Athenaei Deipnosophistas post Isaacum Casaubonum conscripsit : 9 t. Argentorati : Ex typographia societatis bipontiana, 1802. T. 2.

References

- Cherashnyaya, D. (2004). *Poetika O. Mandel'shtama* [The Poetics of O. Mandelstam]. Izhevsk: Institute of Computer Science.
- Chrysostomos, J. (1838). In *Epistolam Secundam ad Thessalonicenses Commentarius*. In J. Chrysostomos, *Opera Omnia* (Vol. 11, pp. 590–631). Parisiis: Apud Gaume Fratres.
- Flacius, M. (1567). *Clavis Scripturae, seu de Sermone sacrarum Literarum* (Vol. 2). Basileae: Per Paulum Quecum.
- Gasparov, M. L. (2001). Kommentarii [Comments]. In O. Mandelstam, *Stikhotvoreniia. Proza* [Poems. Prose] (pp. 604–710). Moscow: AST; Khar'kov: Folio.
- Gershtein, E. G. (1998). *Memuary* [Memoirs]. St Petersburg: Inapress.
- Kolesov, V. V. (2001). *Drevniaia Rus'. Nasledie v slove* [Old Rus'. Heritage in the Word] (Vol. 2). St Petersburg: Faculty of Philology of St Petersburg State University.
- Kornilova, N. B. (2013). *Znamenitye zemliaki* [Famous Compatriots]. Rybinsk: Mediarost.
- Lekmanov, O. A. (2009). *Osip Mandelstam*. Moscow: Molodaia gvardiia.
- Levin, Yu. I. (1998). O. Mandelstam. In Yu. I. Levin, *Izbrannye trudy* [Selected Works] (pp. 9–155). Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.
- Lotman, M. (2012). *“Masteritsa vinovatykh vzorov”: k semanticheskoi karte poeticheskogo teksta* [Skillful Mistress of Guilty Glances: On the Semantic Map of the Poetic Text]. In S. Zolian, & M. Lotman,

Issledovaniia v oblasti semanticheskoi poetiki akmeizma [Research in the Field of the Semantic Poetics of Acmeism] (pp. 129–141). Tallinn: Tallinn University Press.

Mikushevich, V. B. (2017). Osip Mandel'shtam i mirovaya kul'tura [Osip Mandelstam and World Culture]. In P. M. Nerler, & O. A. Lekmanov (Eds.), *Mandel'shtamovskaia entsiklopediia* [The Mandelstam Encyclopaedia] (Vol. 1, pp. 10–62). Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia.

Mochulsky, K. V. (2017). *Krizis voobrazheniia* [Crisis of Imagination]. Moscow; Berlin: Direkt-Media.

Petrovykh, E. S. (2005). Moi vospominaniia [My Memories]. In A. M. Rutman & L. E. Novozhilova (Eds.), *Moia rodina – Norskii posad* [My Homeland is Norsky Posad] (pp. 7–218). Yaroslavl: Izdatel'stvo A. Rutmana.

Polyakova, S. V. (1992). *Osip Mandelstam*. Ann Arbor: Ardis.

Quintilianus, M. F. (1854). *Institutionis Oratoriae Libri Duodecim*. Lipsiae: Sumptibus et typis B. G. Teubneri.

Schweighaeuser, I. (1802). *Animadversiones in Athenaei Deipnosophistas post Isaacum Casaubonum conscripsit* (Vol. 2). Argentorati: Ex typographia societatis bipontiana.

Tolstoy, A. N. (1984). O dramaturgii [About Drama]. In A. N. Tolstoy o literature i iskusstve [A. N. Tolstoy on Literature and Art] (pp. 144–162). Moscow: Sovetskii pisatel'.

Uspenskij, B. A. (2018). K poetike pozdnego Mandel'shtama ("Masteritsa vinovatykh vzorov": analiz teksta) [Towards the Poetics of the Late Mandelstam (*Skillful Mistress of Guilty Glances*: Text Analysis)]. *Slověne*, 7(2), 227–257. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2018.7.2.9>

Vidgof, L. M. (2012). "No liubliu moiu kurvu Moskvu". *O. Mandel'shtam: poet i gorod* ["But I Love my Whoring Moscow". O. Mandelstam: Poet and City]. Moscow: Astrel.

Vidgof, L. M. (2015). O poslednei stroke i skrytom imeni v stikhotvorenii Mandel'shtama "Masteritsa vinovatykh vzorov..." [About the Last Line and the Hidden Name in Mandelstam's Poem *Skillful Mistress of Guilty Glances...*]. In L. M. Vidgof, *Stat'i o Mandel'shtame* [Articles about Mandelstam] (pp. 172–188). Moscow: Novyi khronograf.

Москвин Василий Павлович

доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
и методики его преподавания
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
400005, Волгоград, пр. Ленина, 27
E-mail: vasmoskvin@yandex.ru

Moskvina, Vasily Pavlovich

PhD (Philology), Professor
Department of Russian Language
and Methods of its Teaching
Volgograd State Socio-Pedagogical University
27, Lenin Ave.,
400005 Volgograd, Russia
Email: vasmoskvin@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6849-253X>
WoS ResearcherID: AAF-3133-2021